

Андрей Кравцов

Кандидат филол. наук,
 куратор издательского проекта
 «ЧтецЪ» (Мельбурн, Австралия)

**Концертный дневник
 Ирины Энери,
 11.03.1908 – 28.12.1915.**

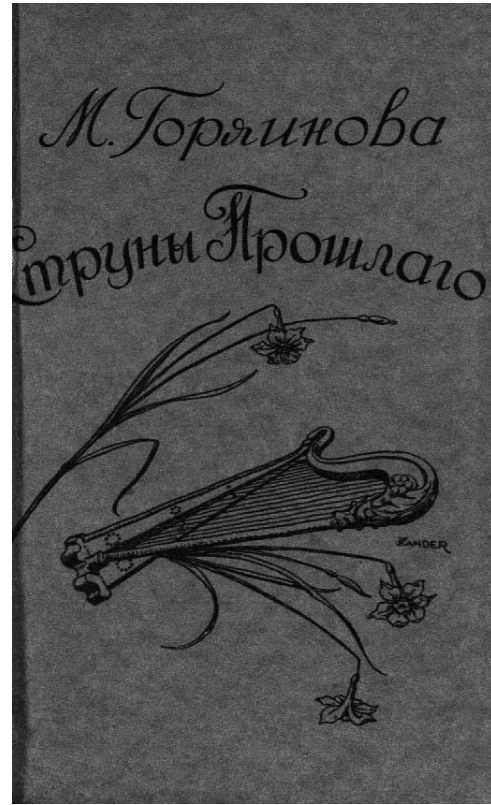
Известно много примеров ведения дневников, как известными личностями, так и обывателями. Обывательские дневники, по своему характеру и стилю совсем не похожие на литературные произведения и не имеющие в основе стремлений автора к дальнейшей их публикации, не так давно вошли в новую категорию литературоведения – эго-документалистику. Как мы знаем, дневник является первичной и наиболее примитивной формой эго-документов. Более сложная и частая форма – воспоминания или записки. Третьей формой можно считать автобиографию, для которой обязательно нахождение личности внутри повествования. Часто поэтому автобиография называется исповедью. Разумеется, данная классификация схематична и не охватывает всех жанровых модификаций [2: 131–149]. Несомненно, что дневники и воспоминания по-разному отражают события. Дневник пишется по личной инициативе автора и в нем повествование ведется с позиции того же времени, когда он составляется. Радикальное отличие дневников в том, что они «закрепляют еще не предпринятый процесс жизни с еще

неизвестной развязкой» [5: 10]. Именно поэтому зачастую дневники не предназначаются к публикации.

Изданные в Берлине в 1920-е гг. дневники Марии Ивановны Горяиновой «Струны прошлого», несомненно, можно отнести к такой литературе. Ведь при их чтении нет-нет да и возникает сомнение в том, что автор составляла их с намерением к изданию. Конечно, ее дневники охватывают особенный период в жизни автора в России и Европе, но характер происходящего с ней и своеобразный подход к описанию событий свидетельствуют, что, если бы не последующие катаклизмы в стране и вынужденное бегство Горяиновой в Берлин, она вряд ли решилась на издание этой книги. Здесь перед нами характерный случай отражения лучших лет жизни через память о прошлом, проявленный в тексте, на тот момент уже эмигранта, но все еще живущего прежними воспоминаниями. Сам факт передачи рукописи для публикации – свидетельство стремления запечатлеть отлетевшее прошлое, попытка оставить о нем хотя бы мимолетное свидетельство. Сейчас сложно сказать, редактировался ли в эмиграции текст дневника, составленный автором до

отъезда. Скорее всего, если и была редаKTура, то крайне незначительная. Характерными же признаками, свидетельствующими о составлении этих дневников «не для печати» является то, что в них сильнее автобиографический элемент, а панорама наблюдений, раздумий, событий гораздо уже, чем можно было ожидать. Имеет место искренность и документальность, что, по мнению А.С. Рейнгольд, нередко придает литературно-художественный интерес дневникам, которые велись реальными людьми «для себя» [10: 123]. Он же полагает, что важным элементом любого дневника является мотив их написания. Каков же мотив книги Горяиновой?

Прежде всего, следует отметить, что сами по себе воспоминания Горяиновой – это интересный пример ведения дневника не самим героем, а третьим лицом, за ним наблюдающим, что позволяет ввести элементы биографии в контекст дневникового нарратива. Книга всецело посвящена ее дочери, музыкально одаренному вундеркинду Ирине Горяиновой-Чагадаевой, больше известной в первой половине XX века под сценическим псевдонимом Энери. Энери – это палиндром от имени Ирина (Ирэн) во французском написании. Дневник ее матери является своего рода хроникой концертной жизни дочери, где рассказывается о выступлениях, концертах и встречах Ирины, с которой неизменно, в силу ее раннего возраста, всюду следовала мать. Большая часть дневников отдана восторженным репликам в ответ на выступления Энери («это наконец второй Моцарт» [6: 10]). По большей части сухой стиль изложения временами окрашивается эмоциональными вставками, а также

Обложка книги М. Горяиновой, Берлин, 1922 г.

элементами литературной обработки текста («Сегодня она лежит такая бледненькая, тоненькая со страшной мигренью» [6: 11] или «Опять я долго не писала, но сколько было разных хлопот, да и я прихворнула» [6: 24]). Примечательны время от времени встречающиеся размышления философского характера: «Мне кажется, что великие люди должны быть патриотами и любить даже и ошибки своего народа» [6: 29]. К концу своего дневника автор уже не хочет смириться с эклектикой русской природы и русского мужика на ее фоне, когда в записи от 5 июля 1915 года сообщает: «Я никогда еще не видела такой беспредельной красоты, как эти луга вдоль Оки. Теперь сенокос, и

зрелище великолепное по своей ширине и красоте. И наряду с этим какой ужас, нравы нашей провинции, где жизнь обывательская проходит без художественных интересов; все сводится ко сну, картам и выпивке. Непробудная спячка, лень, дикость и застой. Какое горе любить свою родину и видеть ее неподвижность, грязь, дикость!» [6: 175–176]. И тут же о своей дочери: «Вообще, она человек скорее западной культуры, и родное, русское неблагоустройство ее мучает и непонятно ей. Она не ищет и не находит в нем известной прелести» [6: 174].

После первого издания в Берлине в 1922 году книга Горяиновой больше не выходила и до сих пор никем из литературоведов не анализировалась. Любопытен период написания (1908–1915 гг.), совсем несвойственный мемуарам эмиграции, больше касавшимся революции и гражданской войны.

Как отмечает исследователь русской книги П. Н. Базанов, монархическое направление издательства «Град Китеж», в котором вышли воспоминания Горяиновой, определило то, что важное место в его деятельности занимало издание политической книги и мемуаров [1: 72]. Видимо, публикации в этом издательстве не в последнюю очередь способствовало то, что в ее книге фигурируют императрица Александра Федоровна и классик литературы Л.Н. Толстой. Хотя именно воспроизведенные автором диалоги Льва Николаевича с Ириной Горяиновой в свое время вызвали наибольшую критику в эмигрантской печати. В рецензии, вышедшей в берлинской газете «Руль», Юлий Айхенвальд справедливо замечал, что автор «в характере своего изложения

высоко над протоколом не поднялась» [9: 2]. Вместе с тем, оценить литературные опыты Горяиновой непросто, поскольку кроме указанных воспоминаний, под ее авторством вышли только две тоненькие книги – «Арабески» (1923) и «Сирень цвела» (1924). Таким образом, «Струны прошлого» явились дебютом и пробой пера уже немолодого автора. В настоящее время о Горяиновой можно найти лишь скудные строчки в справочниках, посвященных литераторам русского зарубежья. Да и то не во всех. Так, скажем, в аннотированном указателе «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках», изданном в Москве в 2003–2006 гг. ее имя и книги не упоминаются. В своем блоге историк Сергей Владимирович Фомин сообщает, что Мария Ивановна Брониковская родилась в 1872 г. В первом браке состояла замужем за офицером Бирюковым, от которого родила дочь Ирину (1897–1980). «Вскоре после ее рождения родители развелись и Мария Ивановна снова вышла замуж за офицера Алексея Алексеевича Горяинова (1872–1935), удочерившего Ирину. Но и новый брак длился недолго. Вскоре после развода А. А. Горяинов вторично женился на княжне Чагадаевой, а Мария Ивановна стала еще больше уделять внимания дочери, серьезно занимавшейся музыкой с известными специалистами» [11]. Концерты Ирины проходили во многих известных домах высшего общества – от Ясной Поляны до Царского Села. Уже в 6 лет ею были сочинены собственные партитуры [12]. В пользу широкой известности Ирины в те годы говорит и тот факт, что Энери упоминается в одном из стихотворений Николая Гумилева:

стране до российской катастрофы: «Гельсингфорс, 2 ноября 1912 г. Сегодня Ире 15 лет. Проводим этот день в какой-то совсем другой стране. Кажется немислимым, чтобы такой культурный край был так близко от нашей матушки-России. Я сравниваю его с запахом “нового рояля”; ведь дерево нового рояля всегда как-то удивительно благородно и тонко пахнет» [6: 90].

Но все же в эмиграции ей удавалось концерттировать. В газетах русского зарубежья можно найти объявления о выступлениях Энери во Франции в 1930-е гг. вместе с другими прославленными исполнителями [4: 4]. Среди русской публики Энери продолжала пользоваться заслуженным уважением и вниманием, о чем говорит состоявшийся в 1938 г. в Париже ее сольный юбилейный концерт [8: 7].

В отличие от ее дочери о последних годах жизни Марии Ивановны Горяиновой в эмиграции в Берлине ничего неизвестно. Она скончалась 8 июня 1928 г. в возрасте 56 лет и объявление о ее кончине появилось в газете «Руль» (№ 2296 от 12 июня 1928 г.). В последнем браке она носила фамилию Кетцер, под которой и была погребена на православном кладбище Тегель в пятом ряду пятого квартала. Надгробие на могиле М.И. Брониковской-Горяиновой-Кетцер не сохранилось и сведения о точном месте захоронения были лишь недавно обнаружены усилиями местных русских энтузиастов.

Если в XIX веке было модным сочинять мемуары и дневники для своих потомков, буквально для внуков и правнуков, то в веке XX с его государственными и человеческими катастрофами мемуары стали чуть ли не основным жанром

нехудожественной прозы русской эмиграции. Своего рода общественным явлением, общественной исповедью. Книга Горяиновой – замечательный тому пример. Прежде всего, пример несомненной поддержки и любви к своей одаренной дочери, но также и пример документального повествования, которое Горяинова доверила всеобщему обозрению благодаря своему беженскому положению. Думается, что она хотела этим поддержать свою дочь, оказавшуюся в Париже в безвестности и без материальных средств. Отчасти я бы классифицировал книгу Горяиновой также и как биографию, хотя описываемые события не документированы и лишь отчасти поддаются перекрестной проверке по иным источникам. И хотя со всей очевидностью ясен мотив дневников Горяиновой – это развитие творческой личности ее дочери, все же проследить эту канву довольно сложно. Свободная, часто сбивчивая в стилистическом и семантическом плане манера ее письма, что является характерным отличием дневника как такового от иного литературного текста, не дает читателю возможности сконцентрироваться на личностном прогрессе Ирины Энери. Если обычно художественные произведения выверены автором, то личные записи подобного рода – непосредственны. Именно эта непосредственность позволяет нам говорить о своеобразии ее дневников, а значит и привлекает к дальнейшим исследованиям творчества Марии Горяиновой.

Примечания

1. Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и

- «Детинец» // Вестник СПбГУКИ. № 3 (20). СПб., 2014. С. 72-78.
2. Бельчиков Н. Ф., Дынник В. Мемуарная литература / Литературная энциклопедия. Том 7. М.: Советская энциклопедия, 1934. С. 131-149.
3. [Вассин В.М.]. Информация о предках. [Электронный ресурс]. URL: <http://nadinmuz57.narod.ru/fan.html> (дата обращения: 21.08.2016).
4. Вергинский и Ирина Энери // Возрождение. № 2484. Париж, 21.03.1932. С. 4.
5. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 411 с.
6. Горяинова М. Струны прошлого. Берлин: Град Китеж, [1922]. 181 с.
7. Гумилев Н. «Священные плывут и тают ночи...» / Гумилев, Н.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Том 3. Стихотворения. Поэмы (1914-1918). М.: Воскресенье, 1999. 464 с.
8. Ирина Энери // Возрождение. № 4127. Париж, 15.04.1938. С. 7
9. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю.И.]. Литературные заметки // Руль. № 1304. Берлин, 18.03.1925. С. 2.
10. Рейнгольд А.С. Жанровые особенности литературного дневника и дневник как нелитературный текст // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 11 (54). М., 2010. С. 118-129.
11. Фомин С.В. Григорий Распутин: убийство. Сергей Михайлович Сухотин. [Электронный ресурс]. URL: <http://sergey-v-fomin.livejournal.com/24974.html> (дата обращения: 4.08.2016).
12. *Princesse Irune Tschagadaeff*. Fleurs de printemps. Huit morceaux. Helsingfors: Wasenius, 1904. 11 pp.
13. Информация предоставлена М.А. Витухновской (Хельсинки) в личной переписке. Эл. письмо от 28.07.2016 г.